

течёт по-прежнему: ровно, однообразно, и хотя вяло и скучно, но тихо и безмятежно” [1, 12]. Приведены интраспективные урывки сводных не прагматичных абстрактных персонажей, а перадресованных прагматичных статусных ахвир, пазбулленай элементарнага: надзейнага жытла, працы, магчымасці быць разам са сваёй сям’ёй, стабільнасці і ўпэўненасці ў будучыні. Пагоня за ўяўным шчасцем стала вынікам не летуценнасці Савелія, а вымушанай спробай слабой самаабароны. Мары героя арыгінальна ўваходзяць у сюжэтны ланцуг, праз які раскрываецца пісьменная інтэнцыя, папярэджанне, што абстрагаванне ад рэальнасці можа быць толькі на кароткае імгненне, а пасля абавязкова прагучыць “рехуший ухо рёв локомотива”.

Жадаючы выразна абмаляваць сутнасць уласнага светабачання, Багдановіч падбіраў апісанні (псіхалагічныя і пейзажныя) і мастацкія дэталі канстантна антынамічнага кшталту: прыгажосць / пачварнасць, рух / застыласць, змярцвеласць, трывога і жах / спакой і ўпэўненасць, вечнае / часовае, свабода / абмежаванасць і інш.

Беларускі класік ідэйна сцвярджаў, што пошук супольнай справядлівасці - гэта не толькі “крыж” маральна сталай і свядомай часткі “зняважаных і пакрыўджаных”, але і перманентны клопат асобных сацыяльна паспяховых асоб. Існуючая ў грамадстве незадаволенасць можа быць вынікова трансфармавана пры ўмове індывідуальнай маральнай прагрэсіўнасці і адэкватнай светапогляднай карэкцыі людзей. Пакуль рэчаіснасць жахлівая, трагічны фінал для герояў кшталту Савелія прадвызначаны. Таму “поезд летит... Летит бешеный, страшный, дикий и, как бы чувствуя свою мощь и превосходство над слабым загнанным человеком, трепещущим на крыше вагона, безумно и дико хохочет” [1, 17].

Заключэнне. Праўдзівыя карціны рэчаіснасці шляхам глыбокіх аўтарскіх псіхалагічных назіранняў і філасофскіх высноў становяцца дэтэрмінантамі арыгінальнага мастацкага свету з рэалістычнымі і рамантычнымі вектарамі.

Спіс літаратуры

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. Т. 2. Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 600 с.

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ О ВОДЯНЫХ В ШВЕЦИИ, ШОТЛАНДИИ И БЕЛАРУСИ

*Е.А. Патакуль
Полоцк, ПГУ*

Актуальность работы заключается важности межкультурных исследований в современных условиях глобализации и включения белорусской литературы в европейский контекст.

Целью исследования является детальный сопоставительный анализ сюжетов народных баллад мифологического характера о водяных в шведской, шотландской и белорусской традициях для выявления в них сходств и различий.

Материал и методы. Объектом исследования – мифологические сюжеты баллад о водяных. Для анализа были взяты оригинальные тексты на шведском [1], [2], английском [3], [4] и белорусском языках [5]. Основные методы исследования: историко-культурный и компаративный.

Результаты и их обсуждение. Водяной и русалка являются типичными шведскими фольклорными существами. В своей области они имеют абсолютную власть, таким образом, они в определенной степени сами эти стихии [6, 14]. С водяными мы встречаемся в 4 шведских народных балладах. В балладе “Agneta och havsmannen” (“Агнета и водяной”) говорится о том, как Агнету соблазняет водяной и утаскивает её в морскую глубину [1, 207]. Там несчастная девушка проводит долгих восемь лет и рождает семь сыновей. Но однажды она слышит звон колокола и простит у водяного сходить на службу, после которой она вернётся к маленьким детям. В церкви “... Döpte de henne...” (“... её крестят...”). Затем водяной приходит в церковь, но он не может забрать её обратно, так как девушка имеет небесное заступничество. В некоторых вариантах Агнета получает волшебную арфу в дар от водяного.

Трагична судьба девушки в “Näcken bortför jungfrun” (“Водяной крадёт девушку”) [1, 229]. Водяной приходит в церковь, чтобы соблазнить молодую девушку. Он говорит, что является сыном конунга Англии, и девушка соглашается с ним уехать. В ряде случаев священник понимает, что богатый господин – совсем не тот, кем он кажется, и он пытается

предупредить об этом молодую девушку. Но итоге водяной утаскивает девушку в море со словами: “Men aldrig skall du på Guds gröna jord gå.” (“Но ты никогда не слупишь на зелёную землю Бога.”).

Согласно балладе “Ungersven och havsfrun” (“Юноша и русалка”) однажды рыцарь Улуф отправился ко двору русалки [1, 260]. Она приветствует юношу и начинает задавать вопросы о том, где он родился, кто его родители, братья, сёстры и невеста. Он говорит, что приехал из императорского двора (Kejsarens gård), и там осталась его семья и невеста. Затем русалка предлагает рыцарю выпить некий напиток (Sölfkanna), от которого он теряет память и начинает говорить, что его дом – двор русалки, а она является его невестой. В некоторых вариантах рыцарь спасается, сыграв прекрасную мелодию на золотой арфе.

В балладе “Havsfruns täma” (“Девушка русалки”) главный герой узнаёт, что 15 лет назад его сестру украли русалка. Он приезжает ко двору русалки и видит там прекрасную узницу. Во время разговора она говорит юноше, что: “Konungen i englan kjära faderen min. // och drottningen i englan kjära moderen min.” (“Конунг в Англии – мой дорогой отец. // А королева в Англии – моя дорогая мать.”) [1, 302]. Главный герой понимает, что перед ним его родная сестра, и освобождает её.

Хотя в шотландской балладе “Clerk Colvin” речь идёт о русалке, сюжетная линия почти полностью совпадает со шведской балладой об эльфах “Herr Olof och älvorna” [7, 236]. Возлюбленная Клерка Колвена просит его не приближаться к Уэлл ов Стрим, но он едет туда, встречает там красавицу (оказавшуюся русалкой) и остаётся с ней. Затем у него начинается ужасно болеть голова, которая, по словам русалки, будет болеть до самой его смерти. Концовка баллады практически слово в слово совпадает со шведской “Herr Olof och älvorna”:

1. в шотландском варианте Клерк Колвен просит у матери “O mother, mother, make my bed” (“О мама, застели мне кровать”), в шведском – у сестры “Min syster, bädda min säng” (“Моя сестра, застели мне кровать”);

2. у братьев оба героя просят забрать главные богатства молодого человека: оружие в шотландской балладе “O brother, brother unbend my bow” (“О брат, сними тетиву с моего лука”), лошадь - в шведской “Min broder, hålla hästan i äng” (“Мой брат, привяжи коня на лугу”);

3. в обоих случаях смерть описывается не буквально, а через слова главного героя, что он “Twill never be bent by me again” (“никогда не сможет натянуть лук”), либо “aldrig kommer jag till fästemo min” (“никогда не встретится со своей невестой”).

В целом, концовка “Clerk Colvin” выглядит как литературный перевод “Herr Olof och älvorna”.

Ещё одна шотландская баллада повествует о водяном, да и то лишь в названии: “The Merman Rosmer” (“Водяной Розмер”) [3, 255]. Баллада представляет собой явное скандинавское заимствование, так как действие происходит в Дании. Согласно балладе у госпожи Hillers (имя похоже на распространённое в скандинавской балладной традиции Hilla, да и живёт она в замке в Дании) пятнадцать лет назад украли дочь и увезли за море (судя по названию, это был водяной), и она решает отправить на поиски своих троих сыновей. Лишь хитростью младшему брату удалось спасти её.

Также в одной шотландской балладе речь идёт о суеверии в Шетланде (графство Шотландии), согласно которому тюлени могут превращаться в людей и красть детей (“The great Silkie of Sule Skerry”). Так, в балладе девушка горько плачет, ибо не знает, кто отец её сына. Внезапно перед ней возникает человек, который утверждает, что именно он является отцом, и что он лишь наполовину человек. Когда он покидает сушу и погружается в море, он превращается в тюленя.

В белорусской балладной литературе водяные не упоминаются. Однако в нескольких произведениях речь идёт о том, как главный герой превращается в реку, непосредственно становясь, тем самым, частью водной стихии. Причины такого превращения могут быть различными. В балладе “Чужаземчык” братья убивают своего сводного брата, когда узнают, что его отец – река Дунай: “Ціхі Дунай – мой ацц родны, // Мой ацц родны.” [5, 419] В балладе “Муж-Дунай” мужчина становится рекой из-за несчастной женитьбы: “Дай божа вясны даждаць, // Я, малады, разжанюся, // Па беражку пакачуся, // Дунайчыкам абярнуся.” [5, 442] Ещё в одной балладе “Сястра ўтапілася” сестра, переходя реку, не удержалась на мосту и утонула, предостерегая при этом своего брата: “– Ты не еш, брацец, рыбы-бялугі, // Рыба-бялуга – да то цела маё.” [5, 409]

Заклучение. В ходе анализа удалось выяснить, что обе шотландские баллады о водяных являются явными скандинавскими заимствованиями. В то же время в 3 из 4 шведских баллад упоминается Англия. Также во многих балладах в качестве неотъемлемого атрибута водяного называется волшебная арфа. Таким образом, в шотландской балладной традиции практически отсутствует распространённый в Скандинавии цикл о водяных. Лишь 2 баллады повествуют о данных сверхъестественных существах. В белорусской же традиции распространены сюжеты превращения человека в реку либо, реже, в рыбу.

Список литературы

1. Jonsson, Bengt R. Svenska medeltids ballader / Bengt R. Jonsson. – Lund: Bröderna Ekstrands Tryckeri AD, 1981. – 220 s.
2. Jonsson, Bengt R. Sveriges medeltida ballader, utgivna av Svenskt visarkiv, band 1, Naturmytiska visor / Bengt R. Jonsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1983. – 495 s.
3. Child Francis James. English and Scottish Ballads. Volume I / Francis James Child. – Boston: Little, Brown and Company, 1860. – 334 p.
4. Английские народные баллады: сборник / худож. А. Лурье. – СПб.: Лань, 1997. – 241 с.
5. Баллады ў дзвюх кнігах / рэд. К.П. Кабашнікаў, В.І. Ялтаў. – Мн.: “Навука і тэхніка”, 1977–1978. – 784 с.
6. Sand, Nadja. Gränser och gränstillstånd: Möten med det övernaturliga i den naturmytiska balladen / Nadja Sand. – Uppsala University, 2011. – 36.
7. William J. Entwistle. European Balladry. – Oxford: the Clarendon Press, 1939. – 404 p.

МАСТАЦКАЯ РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА ХАРАКТАРУ Ў ПРОЗЕ У. ГНІЛАМЕДАВА

*В.І. Русілка
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Ва ўмовах глабальных супярэчнасцяў і выклікаў, якімі перапоўнена сённяшняе жыццё, надзвычай актуальным уяўляецца пошук духоўнага коду, маральных асноў нацыянальнага характару, якія дапамогуць захаваць беларускую самаідэнтычнасць і рэалізаваць выпрацаваную грамадствам нацыянальную ідэю.

Мэта дадзенай работы – асэнсаванне спецыфікі беларускага нацыянальнага характару ў раманах Уладзіміра Гніламедава, сістэматызацыя мастацкіх прыёмаў стварэння эстэтычна пераканальных вобразаў-персанажаў.

Матэрыял і метады. Аб'ектам даследавання ў артыкуле стала гістарычная пенталогія Уладзіміра Гніламедава, прысвечаная асэнсаванню маштабных падзей XX стагоддзя праз лёс сям'і Лявона Кужалы. У навуковым аналізе выкарыстаны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, феноменалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Значнай падзеяй у сучасным літаратурным працэсе стала з'яўленне ў друку раманаў У. Гніламедава “Уліс з Прускі” (2006), “Расія” (2007), “Вяртанне” (2008), “Валошкі на мяжы” (2011), “Вайна” (2014), дзе на шырокім гістарычным фоне паказваецца лёс простага чалавека, беларуса і адначасова з гэтым удумліва раскрываецца лёс беларускага народа, даецца маштабная гістарычная панарама XX стагоддзя. Аўтар паставіў перад сабой выключна складаную і важную задачу: стварыць гісторыю беларускага народа праз гісторыю сваёй сям'і. У раманах па-мастацку праўдзіва адлюстраваны духоўныя асновы характару Лявона Кужалы – селяніна з заходнебеларускай вёскі Пруска, які прайшоў праз многія выпрабаванні: нялёгкая праца наёмнага рабочага за мяжой, у Амерыцы, вяртанне, трагічныя падзеі Першай сусветнай вайны, рэвалюцыі, калектывізацыі, Вялікай Айчыннай вайны. Многія з фактаў, адлюстраваных У. Гніламедавым, у беларускай літаратуры амаль не ўзнімаліся, а тым болей у такім разгорнутым і грунтоўным асвятленні, на аснове цытавання шматлікіх гістарычных дакументаў, што ўзмацняе эфект сапраўднасці.

Галоўны герой пенталогіі Лявон Кужаль, прататыпам якога стаў дзед пісьменніка Лявонцій Міхайлавіч Сцепанюк, – яркі тып беларуса з яго працавітасцю, цярдлівасцю, трываласцю перакананняў, нясхільнасцю да рэвалюцыйных перамен. Гэты вобраз увасабляе галоўную ідэйную ўстаноўку аўтара – погляд на гісторыю з пункту гледжання беларуса-селяніна, асэнсаванне зямлі і працы на ёй як асновы чалавечага жыцця. І ў гэтым сэнсе вобраз Лявона Кужалы, як адзначаюць многія даследчыкі, безумоўна нацыянальны архетып, які стаіць упоравень з героямі беларускай класічнай літаратуры – Міхалам з паэмы Я. Коласа “Новая зямля” і Васілём Дзятлам з “Палескай хронікі” І. Мележа.